Содержание

От редактора настоящего издания 7

Владимир Набоков. Из обзорной лекции о советской литературе 15
Перевод А. Бабикова

Фредсон Боуэрс. Предисловие 17
Перевод А. Бабикова

Русские писатели, цензоры и читатели 35
Перевод А. Курт под ред. А. Бабикова

Николай Гоголь
«Мертвые души» 59
«Шинель» 119
Перевод Е. Голышевой под ред. В. Голышева и А. Бабикова

Иван Тургенев 133
«Отцы и дети» 146
Перевод А. Курт под ред. А. Бабикова

Федор Достоевский 185
«Преступление и наказание» 204
«Записки из подполья» 212
«Идиот» 227
«Бесы» 231
«Братья Карамазовы» 236
Перевод А. Курт под ред. А. Бабикова

Лев Толстой
«Анна Каренина» 245
Создание образов героев 317
Хронология Толстого 322
Композиция 326
Образность 334
Имена. *Перевод А. Бабикова* 340
Группа Облонских — Щербацких 342
Группа Каренина 345
Группа Вронского 346
Группа Левина 347
Комментарии к первой части романа. *Перевод А. Бабикова* 348
«Смерть Ивана Ильича». *Перевод А. Бабикова* 384
Перевод А. Курт под ред. А. Бабикова

Антон Чехов 397
Перевод Г. Дашевского и А. Курт
«Дама с собачкой». *Перевод И. Клягиной* 412
«В овраге». *Перевод А. Курт под ред. А. Бабикова* 424
Заметки о «Чайке». *Перевод А. Курт под ред. А. Бабикова* 450

Максим Горький 473
«На плотах» 483
Перевод А. Курт под ред. А. Бабикова

Обыватели и обывательщина. *Перевод А. Бабикова* 489

Искусство перевода. *Перевод А. Бабикова* 499

L'Envoi. *Перевод А. Бабикова* 511

Комментарии 515

Приложение. Заметки Набокова для экзамена
по русской литературе 533

От редактора настоящего издания

Подготовленные авторитетным американским библиографом и текстологом Ф. Т. Боуэрсом (1905–1991) по рукописным и машинописным материалам три тома университетских лекций Владимира Набокова были изданы в начале 1980-х годов при участии вдовы и сына писателя. Сначала вышел том «Lectures on Literature» (лекции, посвященные западным писателям), затем «Lectures on Russian Literature» (лекции, посвященные русским писателям) и, наконец, «Lectures on Don Quixote» (лекции о «Дон Кихоте» М. де Сервантеса). Все три тома содержат богатый факсимильный материал — страницы из рукописных и машинописных текстов с заметками, рисунками или правками Набокова, а также из принадлежавших ему экземпляров книг, разбиравшихся во время лекционных занятий.

История создания этих лекций восходит к европейскому периоду жизни Набокова. 20 апреля 1940 года, находясь в Париже, он писал гарвардскому профессору истории М. М. Карповичу о своих американских планах: «Мне бы чрезвычайно хотелось найти поскорее работу, — любую, но, конечно, предпочел бы литературную или лекторскую. Не думаете ли вы, что это теперь легче осуществимо, принимая во внимание, что через месяц-другой я буду в Америке? Между прочим, у меня почти готов курс русской литературы по-английски (ведь в прошлом году я чуть было не получил лекторат в Leeds[1]), но пока что читаю его только стенам»[2].

1 Университет Лидса, Великобритания.

2 *Набоков В.* Переписка с М. М. Карповичем (1933–1959) / Предисл., состав., примеч., пер. с англ. А. А. Бабикова (Библиотека «Литературного наследства». Новая серия. Вып. 2). М.: Литературный факт, 2018. С. 44.

Переехав в Америку, Набоков в июне-июле 1941 года в Летней школе Стэнфордского университета читал лекции по истории русской литературы, начиная с 1905 года, «с обзором революционного движения в русской литературе прошлых веков»[1], и лекции по писательскому мастерству, в том числе по драматургии. Как указал Б. Бойд, в его курс писательского мастерства входила и позднее опубликованная лекция «Искусство литературы и здравый смысл»[2]. В 1940–1950-х годах Набоков преподавал в женском колледже Уэллсли, в университетах Корнелля и Гарварда, однако некоторые лекции он писал для отдельных выступлений и читал их во время американских лекционных турне в 1941–1945 годах.

В 1952 году Набоков читал различные курсы по русской и западной литературе в Гарвардском университете. Описание этих курсов, близкое составу трех опубликованных томов лекций (хотя и значительно более широкое в части русской литературы), содержится в его английском письме к М. Карповичу от 12 октября 1951 года:

> Дорогой Михаил Михайлович,
> Большое спасибо за Ваше милое и обстоятельное письмо. Отвечу по пунктам в том же порядке.
> Я с Вами совершенно согласен, что Тургенева следует рассматривать в первой части курса.
> Я собираюсь коснуться Островского, Салтыкова и Лескова *между прочим,* но не стану требовать от студентов чтения их сочинений.
> В случае Некрасова я намерен использовать собственные прозаические переводы. Я Вам признателен за согласие ввести Тютчева, которого я хочу сопоставить с Фетом и Блоком — в моих собственных переводах.
> Достоевский: «Двойник», «Записки из подполья», «Преступление и наказание».
> Толстой: «Смерть Ивана Ильича» и «Анна Каренина».
> Чехов: «Дама с собачкой», «В овраге», «Дом с мезонином» и еще один рассказ; «Чайка».

1 *Бойд Б.* Владимир Набоков. Американское годы. Биография. СПб.: Симпозиум, 2010. С. 42.
2 Там же. С. 41.

Подробное рассмотрение всех этих сочинений будет чередоваться лекциями с биографическими сведениями и обсуждениями общего характера. Из Горького я упомяну лишь рассказ о волжском пароме [«На плотах»], сравнив его топорный стиль с чеховским. Я не собираюсь посвящать отдельной лекции Бунину и прочим[1], но расскажу о них в предваряющей лекции. Из новых авторов я рассмотрю Блока, Ходасевича, Белого. Я не стану касаться Сологуба, Ремизова, Бальмонта, Брюсова, хотя, возможно, упомяну их в предваряющей лекции cum grano salis — из моей собственной соляной пещеры[2]. Кроме того, у меня в планах две-три лекции о советской литературе в целом.

Во многих случаях я буду использовать собственные мимеографированные переводы. Обязательные пособия: «Сокровищница» Герни[3]. Основной справочник: Мирский[4].

Так я вижу главные черты курса, с прибавлением тех связующих лекций, о которых Вы писали.

Если Вы усмотрите какие-либо серьезные изъяны в моем плане, пожалуйста, сообщите, и я, ворча, неохотно добавлю что-нибудь из кошмарных переводов Островского и Лескова. Я выправил большую часть наиболее важных глав «Анны Карениной»[5] и материал Достоевского.

Я, по-видимому, соглашусь с Финли[6]. Пруста обойду, а начну с «Дон Кихота»[7].

1 Речь идет о писателях, получивших известность в конце 1900-х гг. (раздел в «Истории русской литературы» Д. П. Святополк-Мирского, названный «Художественная проза после Чехова»), — Куприне, Бунине, Андрееве, Арцыбашеве.

2 В оригинале: salt lick — соляной участок, привлекающий диких животных. В тексте сначала было: «salt lake» — соляное озеро (исправлено рукой Набокова).

3 Имеется в виду антология: A Treasure of Russian Literature / Ed. by Bernard Guerney. N. Y.: The Vanguard Press, 1943.

4 Имеется в виду двухтомная история русской литературы, написанная кн. Д. С. Святополк-Мирским по-английски: D. S. Mirsky. A History of Russian Literature: From Its Beginnings to 1900. In: 2 vol. (New York, 1926, 1927).

5 В иллюстрациях к настоящему изданию приведены страницы экземпляра английского перевода «Анны Карениной» с правками Набокова.

6 Джон Х. Финли-младший, профессор классической литературы Гарвардского университета.

7 Циклу романов М. Пруста «В поисках утраченного времени» Набоков посвятил значительную часть курса «Мастера европейской прозы».

Спасибо за расписание. Да, я предпочту дополнительно к финальному экзамену еще один в середине семестра. Не имею ничего против ранних часов. <...> Мне представляется весьма удобным, что лекция по курсу Классическая литература-2 начинается сразу же после Славистики-150 b. Таков же порядок и здесь у меня. Что касается курса по Пушкину, я не против одного часа в понедельник или среду в первой половине дня и еще одного часа (всего в неделю два часа) с 10 утра в субботу, поскольку ассистенты ведут мой курс Классической литературы каждый третий день. Однако я предлагаю сделать иначе. Нельзя ли назначить часовое занятие в любое время в понедельник или среду? Так я поступаю здесь, но, конечно, у меня совсем небольшая группа студентов. Я исхожу из того, что студенты, посещающие пушкинский курс, читают по-русски, хотя весь материал у меня имеется и в переводе.

Кажется, я охватил весь список чтения по курсу, приведенный Вами на желтых листах. Если Вы все же хотели бы, чтобы я добавил Островского и Лескова, я бы выбрал «Грозу» и, вероятно, «Очарованного странника». «Двенадцать» Блока я намерен переводить в классе. Рассказы Чехова — в переводе Ярмолинского с моими уточнениями[1].

Что касается полного собрания сочинений Пушкина (главное блюдо — «Евгений Онегин», затем «Маленькие трагедии», «Пиковая дама», около полусотни стихотворений), я имел в виду шесть томов в переплете из желтой кожи, относительно недавно выпущенных Советами («Academia», 1936). Я, кроме того, слышал о новом издании «Евгения Онегина» с бóльшим числом примечаний, чем есть в обычных изданиях. <...>

Я не вполне понимаю, что означает «читательский период», для которого Вы выписали несколько названий на отдельной странице?[2] Как экзаменовать студентов по этому чтению? Пра-

1 Авраам Цаллевич Ярмолинский (1890–1975), с 1918 г. служил в библиотеке Конгресса США, затем заведовал славянским отделом Публичной библиотеки Нью-Йорка, критик, переводчик Чехова и др. См.: Переписка В. В. Набокова с А. Ц. Ярмолинским / Вступ. ст. Г. Глушанок // Вышгород. 1999. № 6. С. 59–76.

2 В американских университетах под «reading period» подразумевается срок, обычно недельный, для подготовки к экзамену, когда студенты не посещают занятий.

вильно ли я понял Вас, что заключительный экзамен должен охватывать весь семестр, включая этот период?

[Ваш В. Набоков]

Название «Лекции по зарубежной литературе» не принадлежит Набокову. Для него, как американского профессора и писателя, английская литература, конечно, не была зарубежной. Под таким названием русские переводы этих лекций издавались в России, тогда как Ф. Боуэрс, как мы уже сказали, использовал название «Lectures on Literature» («Лекции по литературе»). Основной лекционный курс Набокова, включавший не только английских, но и некоторых русских авторов, носил название «Masters of European Fiction» («Мастера европейской прозы»). Исключительно русским авторам он посвятил курс «Русская литература в переводах» (материалы этого курса включены в настоящий том лекций). Из западных писателей для отдельных курсов лекций он выбрал Джеймса Джойса («Улисс») и Сервантеса («Дон Кихот»). Материалы последнего из названных курсов составили целиком третий том лекций, выпущенный Боуэрсом в 1983 году.

Тремя опубликованными томами набоковские лекции по русской и западной литературе, а также по истории России не исчерпываются. В 1982 году Б. Бойд, собирая материалы для своей фундаментальной биографии Набокова, обнаружил в апартаментах писателя в «Монтрё-палас» «коробку с рукописями набоковских лекций по русской литературе от истоков до XX века, причем все они были посвящены *не тем* писателям (Гоголь, Достоевский, Толстой, Тургенев, Чехов), о которых шла речь в набоковском курсе о шедеврах европейской прозы, послужившем основой книги 1981 года “Лекции по русской литературе”». Эти новонайденные лекции охватывают период от ранних житий до Владислава Ходасевича[1].

Согласно нашим собственным архивным изысканиям, не все новые материалы являются лекциями, тем более завершенными, многие из них представляют собой заметки и выписки, черновики лекций или их части, экзаменационные и справочные ма-

1 *Бойд Б.* По следам Набокова. Избранные эссе. СПб.: Симпозиум, 2020. С. 85–86.

териалы, вопросы и инструкции для студентов, введения и преамбулы к курсам или отдельным темам.

Общий массив этого материала можно распределить по следующим основным группам:

1. Древнерусская литература и «Слово о полку Игореве».
2. История русской литературы и поэзии.
3. Русская поэзия XX века.
4. Русская история.
5. Советская и эмигрантская литература.

Написанные по-английски и до сих пор не опубликованные материалы, о которых идет речь, посвящены не только русским поэтам и писателям (в их числе Аввакум, Ломоносов, Державин, Пушкин, Лермонтов, Фет, Крылов, Тютчев, Блок и другие), но и коротким обзорам: Аксаков и Гончаров, Батюшков и Гнедич, Фонвизин и Грибоедов, Карамзин и Жуковский, Кольцов и Некрасов, а также исследователям русской литературы, к примеру, Н. К. Гудзию, А. С. Орлову, А. Н. Пыпину. Рассматривал Набоков и отдельные темы, которые могли быть частью более широкого лекционного материала, к примеру: «Ямб Баратынского», «О шестистопном ямбе Жуковского», «Пролетарский роман», «Советский рассказ», «Олеша и эмигранты».

Из университетских архивных материалов Набокова нами впервые были переведены и подготовлены к публикации две лекции «О советской драме» и лекция «Советский рассказ»[1]; в 2008 году были опубликованы переводы двух лекций по драматургии: «Ремесло драматурга» и «Трагедия трагедии»[2]. В 1920–1930-х годах Набоков выступал перед широкой эмигрантской аудиторией или участниками различных литературных объединений и клубов с речами или докладами о Гоголе[3], Достоевском,

1 *Бабиков А.* Прочтение Набокова. Изыскания и материалы. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. С. 246–287.

2 *Набоков В.* Трагедия господина Морна. Пьесы. Лекции о драме / Сост., вступ. ст., примеч. А. Бабикова. СПб.: Азбука-классика, 2008. Лекции переведены нами в соавторстве с С. Б. Ильиным.

3 *Набоков В.* Гоголь / Публ. и примеч. А. Долинина // Звезда. 1999. № 4. С. 14–19.

Пушкине, Блоке[1]. Из этих ранних выступлений нами был подготовлен к публикации доклад «О Гумилеве»[2], в котором заметно то же личное отношение Набокова к рассматриваемому автору, которое отличает и его американские лекции.

Настоящее издание существенно отличается от всех предыдущих попыток представить русскому читателю лекции Набокова. Здесь впервые публикуется русский перевод отрывка из обзорной лекции Набокова о советской литературе, предваряющий оригинальное американское издание «Лекций по русской литературе» и по какой-то причине исключенный из всех русских изданий. По замыслу Ф. Боуэрса, этот отрывок имеет особое композиционное значение, поскольку перекликается с заключительной заметкой Набокова «L'Envoi», кончающейся на той же трагической ноте. Без пояснений выпускался почти целиком и раздел «Имена» в лекциях об «Анне Карениной», основную часть которого составляют тщательно собранные Набоковым по группам персонажи романа — с характеристиками, определением родственных и иных связей. Нами восстановлены многочисленные пропуски и купюры переводов, воспроизведен полный состав собранных Ф. Боуэрсом иллюстраций, внесены исправления не только в текст переводов, но и в цитаты приведенных и разобранных Набоковым произведений (замечания или комментарии Набокова даются в квадратных скобках), составлены примечания. Часть лекций, комментарии Набокова к первой части «Анны Карениной» и предисловие Ф. Боуэрса публикуются в новых переводах.

Перевод сверялся по изданию: *Nabokov V.* Lectures on Russian Literature / Ed. and with an Introduction by Fredson Bowers. New York et al.: Harcourt Brace & Company, 1981.

1 *Швабрин С.* «Печать непреходящего»: Набоков-Сирин о Пушкине, Блоке — и о себе // Новый журнал. 2014. № 277. С. 189–217.

2 *Бабиков А.* Прочтение Набокова. Изыскания и материалы. С. 479–483.

Из обзорной лекции о советской литературе[1]

Трудно удержаться от самоутешения иронией, от роскоши презрения, обозревая тот отвратительный бедлам, который безвольные руки, послушные щупальца, направляемые раздутым спрутом государства, сумели сотворить из этой огненной, причудливой и вольной стихии — литературы. Скажу больше: я научился беречь и ценить свое отвращение, потому что знаю: испытывая его с такой силой, я сохраняю все, что могу, от духа русской литературы. Право на критику, наряду с правом на творчество, является богатейшим даром, который может предложить свобода мысли и слова. Живя на свободе, в той духовной открытости, где вы родились и выросли, вы, возможно, склонны рассматривать истории о тюремной жизни, доходящие до вас из отдаленных стран, как сильно преувеличенные небылицы, распространяемые задыхающимися беглецами. Люди, для которых написание и чтение книг является синонимом наличия и выражения индивидуального мнения, едва ли верят в то, что есть такая страна, где почти четверть века[2] литература ограничена одной лишь возможностью — иллюстрировать различные рекламы фирмы рабо-

1 Единственная сохранившаяся неозаглавленная страница (пронумерованная как с. 18) из обзорной лекции о советской литературе, которой Владимир Набоков предварял курс лекций о великих русских писателях. Эта страница, по-видимому, — все, что сбереглось в архиве писателя из этого обзора. *(Прим. Ф. Боуэрса.)* Русский перевод публикуется впервые. *(Здесь и далее, если не указано иное, – прим. ред. настоящего издания.)*

2 Лекция, к которой относится настоящий отрывок, была написана в 1941 г.

торговцев. Но даже если вы не верите в существование таких условий, вы можете хотя бы вообразить их, и как только вы их вообразите, вы с новой ясностью и гордостью осознаете ценность настоящих книг, написанных свободными людьми для чтения свободными людьми.

Владимир Набоков

Предисловие[1]

Владимир Набоков вспоминал, что в 1940 году, прежде чем начать академическую карьеру в Америке, он, «по счастью, взял на себя труд написать сто лекций, около двух тысяч страниц, по русской литературе <...> Благодаря этому, я был обеспечен лекционным материалом в Уэллсли и Корнелле на двадцать академических лет»[2]. Эти лекции, каждая из которых тщательно приводилась к принятому в Америке пятидесятиминутному лекторскому стандарту, были написаны, предположительно, после приезда Набокова в США в мае 1940 года и до его первого преподавательского опыта — курса русской литературы в Летней школе Стэнфордского университета (Stanford University Summer School), прочитанного в 1941 году. С осеннего семестра того же года Набоков начал преподавать в колледже Уэллсли, где единолично представлял отделение русистики и где сперва читал курсы по русскому языку и грамматике, но вскоре ввел обзорный курс русской литературы в переводах («Русская литература № 201»). В 1948 году, перейдя в Корнеллский университет и получив там место адъюнкт-профессора отделения славистики, он читал курсы «Мастера европейской прозы» («Литература № 311–312») и «Русская литература в переводах» («Литература № 325–326»).

1 Американское издание «Лекций по русской литературе» предварялось следующим выражением благодарности: «Редактор <Ф. Боуэрс> и издатель выражают глубокую признательность Саймону Карлинскому, профессору отделения славянских языков Калифорнийского университета (Беркли), за тщательную сверку лекций и советы по транслитерации. Помощь проф. Карлинского в подготовке этого тома трудно переоценить».

2 *Nabokov V.* Strong Opinions. N. Y.: Vintage, 1990. P. 5. *(Пер. мой. – А. Б.)*

Лекции о русских писателях, представленные в настоящем издании, по-видимому, входили в состав периодически менявшихся двух курсов, упомянутых выше. Курс «Мастера европейской прозы» обычно включал Джейн Остин, Гоголя, Флобера, Диккенса и — время от времени — Тургенева; второй семестр Набоков посвящал Толстому, Стивенсону, Кафке, Прусту и Джойсу. Разделы, посвященные Достоевскому, Чехову и Горькому, в этом томе относятся к курсу «Русская литература в переводах», который, по сообщению сына Набокова Дмитрия, включал также менее известных русских писателей[1], однако лекционные записи о них не сохранились[2].

После того как успех «Лолиты» позволил ему в 1958 году оставить преподавание, Набоков задумал выпустить книгу, основанную на материале его лекций по русской и европейской литературе. Он так и не взялся за этот проект, хотя еще четырнадцатью годами ранее лекции о «Мертвых душах» и «Шинели» в переработанном виде вошли в его небольшую книгу о Гоголе[3]. Одно время Набоков планировал подготовить издание «Анны Карениной» в виде пособия, но, проделав некоторую работу, отказался от этого. В настоящем томе собрано все, что было получено нами из массива рукописей его лекций, посвященных русским авторам.

Изложение материала в лекциях по русской литературе несколько отличается от изложения в лекциях, посвященных западным писателям. В последних Набоков не уделял внимания авторским биографиям и не делал попыток хотя бы бегло охарактеризовать те произведения, которые не были предназна-

1 Дмитрий Набоков указывает, что в числе авторов, о которых Набоков читал лекции в Корнелле, были Пушкин, Жуковский, Карамзин, Грибоедов, Крылов, Лермонтов, Тютчев, Державин, протопоп Аввакум, Батюшков, Гнедич, Фонвизин, Фет, Лесков, Блок и Гончаров. Если все они включались в один лекционный курс, то это мог быть лишь короткий обзор. Весной 1952 г., читая курс в Гарварде как приглашенный лектор, Набоков посвятил Пушкину отдельный семинар, — вероятно, на основе материалов, которые он собирал для своего издания [комментированного перевода] «Евгения Онегина». *(Прим. Ф. Боуэрса.)*

2 Эти материалы сохранились. См. открывающую настоящий том заметку «От редактора настоящего издания».

3 «Nikolai Gogol» (1944). Переиздана в серии «Набоковский корпус» (2025).

чены для прочтения студентами. У каждого писателя выбиралось лишь одно произведение, которое и становилось предметом рассмотрения. Лекции по русской литературе, напротив, обычно открываются кратким биографическим вступлением, за которым следует общий обзор творчества автора, а затем детально разбирается наиболее значительное из его произведений. Можно предположить, что этот типовой академический подход отражает начальный преподавательский опыт Набокова в Стэнфорде и Уэллсли. Судя по некоторым его отрывочным замечаниям, он, похоже, считал, что студенты, перед которыми ему предстояло выступать, не имеют ни малейшего представления о русской литературе. Поэтому принятая в университетах того времени схема преподавания, вероятно, представлялась ему наиболее подходящей для ознакомления студентов с диковинными писателями и неведомой цивилизацией. Ко времени преподавания в Корнелле курса «Мастера европейской прозы» он разработал более индивидуальный и утонченный подход, иллюстрируемый лекциями о Флобере, Диккенсе и Джойсе, но, похоже, никогда существенно не менял для аудитории Корнелла те письменные лекции, которые читал в Уэллсли. Однако в силу того, что лекции по русской литературе касались хорошо известного ему предмета, вполне возможно, что в Корнелле он изменил манеру преподавания, внеся больше импровизированных комментариев и менее строго придерживаясь того способа изложения, о котором он писал в «Стойких убеждениях» так: «Хотя, стоя за кафедрой, я научился искусно поднимать и опускать глаза, у внимательных студентов никогда не возникало сомнений в том, что я читаю, а не говорю»[1]. Действительно, некоторые лекции о Чехове, и особенно лекцию о «Смерти Ивана Ильича» Толстого, читать по рукописи было бы невозможно, поскольку законченных рукописей этих лекций не существует.

Помимо структурных, можно отметить и другие, более тонкие различия. Говоря о великих русских писателях XIX века, Набоков всецело пребывал в своей стихии. Эти авторы не только представляли для него абсолютную вершину рус-

1 *Nabokov V.* Strong Opinions. P. 5.